

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД.

ПЯТЬ ЛЕТ Я БЫЛА
ЛЮБОВНИЦЕЙ
СОБСТВЕННОГО МУЖА

18+

РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА

Лея Ветрова

**Развод. Пять лет я была
любовницей собственного мужа**

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод. Пять лет я была любовницей собственного мужа /
Л. Ветрова — «Автор», 2026

— Папа! — четырёхлетний мальчик врывается в кабинет нотариуса и бросается к моему мужу. Через минуту я узнаю, что почти пять лет официально разведена. Что Антон женат на нашей коммерческой директоре. Что всё это время он жил в моём доме, спал в моей постели и подсовывал бумаги, которыми медленно отбирал винодельню. Теперь ему нужна последняя подпись — залог моей земли. А мне предлагают не устраивать сцен и сохранить лицо семейного бренда. Антон уверен, что я ничего не понимаю в деньгах и без него потеряю всё. Возможно, так и было вчера. Но сегодня у меня есть сорок пять дней до взыскания, очень злой адвокат и Михаил Ратников — человек, пришедший забрать мой бизнес, но первым спросивший, чего хочу я. Я верну своё имя, землю и жизнь. А потом разберусь, почему кредитор, пришедший забрать у меня всё, оказался единственным мужчиной, который не требует верить ему на слово.

Содержание

Глава первая. Не жена	5
Глава вторая. Пять украденных лет	12
Глава третья. Чужая подпись	19
Глава четвёртая. Сорок пять дней	27
Глава пятая. Семейная легенда	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лея Ветрова

Развод. Пять лет я была любовницей собственного мужа

Глава первая. Не жена

Нотариус поправляет очки и говорит, что согласие супруга не требуется, ровно в тот момент, когда я раскладываю перед ним документы на землю.

Я сначала решаю, что он оговорился. Люди вообще часто оговариваются рядом с цифрами, печатями и чужой собственностью. Особенно если до обеда ещё далеко, а на столе в стеклянной вазочке лежат конфеты, которые никто не ест из приличия. Одна успела прилипнуть к обёртке и выглядит так, будто провела здесь не меньше месяца.

— Простите, что именно не требуется?

— Согласие супруга на передачу земельного участка в залог, — повторяет он терпеливо и придвигает ко мне выписку. — Участок приобретён вами до брака, кроме того...

Он запинается. Не потому, что не знает продолжения. Наоборот, такие люди запинаются только тогда, когда знают всё и внезапно понимают, что собеседник — нет.

Я держу ручку над нижней строкой договора. Она тяжёлая, металлическая, с названием банка на боку. Антон выбрал её из двух, лежавших возле папки, и подал мне колпачком вперёд. Даже сейчас помню этот жест. Восемнадцать лет брака превращают чужие движения в домашние приметы: если он закатывает рукава до локтя, разговор будет неприятным; если называет меня Дашенькой при посторонних, ему что-то нужно; если сам подаёт ручку, значит, подпись для него важнее, чем он показывает.

Сегодня он назвал меня Дашей трижды.

— Кроме того? — спрашиваю я.

Антон сидит справа. Серый костюм, белая рубашка без галстука, часы, которые я подарила ему на сорокалетие. Он не смотрит ни на меня, ни на нотариуса. Его внимание приковано к окну, за которым подстриженную тую поливают автоматические форсунки. Вода долетает до стекла мелкой пылью и тут же высыхает.

Напротив устроилась Полина. Она принесла на встречу планшет, две папки и выражение лица человека, которому приходится следить сразу за несколькими не слишком способными взрослыми. Наш коммерческий директор умеет выглядеть безупречно даже в августовскую жару. Волосы собраны гладко, ногти короткие, светлый брючный костюм не помялся ни на спине, ни под коленями. Мои льняные брюки уже успели собрать всю дорогу от винодельни до города в складки.

Полина опускает глаза.

Нотариус снимает очки и кладёт их поверх бумаги.

— Ваш брак с Антоном Павловичем расторгнут пятого сентября две тысячи двадцать первого года. Решение вступило в силу в октябре. Соответствующая запись в реестре имеется.

В кабинете включён кондиционер. Он дует мне в левое плечо, и до этой секунды я злилась, что не взяла жакет. Теперь холод проходит глубже ткани, под кожу, в сустав. Пальцы на ручке медленно немеют.

— Какой брак расторгнут?

Вопрос глупый. Другого Антона Павловича здесь нет. Другой Дарьи Андреевны — тоже. Но нотариус всё равно отвечает:

— Ваш.

Я поворачиваюсь к мужу.

Антон наконец отрывается от окна. На его лице нет ни испуга, ни стыда, ни того судорожного поиска правильных слов, которого я жду. Только досада. Будто официант перепутал порядок блюд и вынес горячее раньше салата.

— Даша, — произносит он негромко. — Давай сначала закончим с залогом.

Вот и четвёртый раз.

— С каким залогом?

— С тем, ради которого мы приехали. — Он кладёт ладонь на край договора. Крупная кисть, аккуратные ногти, тонкая белая полоса под обручальным кольцом. Кольцо на месте. Моё тоже. — У нас горят сроки по линии розлива. Через две недели начинается сбор, оборудование должно быть оплачено.

— Ты слышал, что он сказал?

— Слышал.

— И?

Полина делает едва заметное движение. Не ко мне — к Антону. Пальцы сжимаются на краю планшета, потом разжимаются. На правой руке у неё кольцо с небольшим квадратным бриллиантом. Я видела его много раз и считала подарком самой себе после удачного контракта. Полина вообще не ждала, пока кто-нибудь исполнит её желания. По крайней мере, так она говорила на корпоративе прошлой зимой, когда мы обе стояли в туалете перед зеркалом и пытались вывести красное вино с моего светлого рукава.

Она тогда ещё посоветовала не тереть пятно солью.

Странно, что именно это вспоминается сейчас.

— Дарья Андреевна, — осторожно вмешивается нотариус, — вероятно, вам стоит обсудить семейные обстоятельства до подписания сделки.

— У нас нет семейных обстоятельств, — отвечает Антон.

Я смотрю на кольцо Полины. Потом на его руку.

— Видимо, действительно нет.

Антон втягивает воздух через нос. Вчера вечером он делал так же, когда я сказала, что сахар в пробах выше прогноза и шардоне придётся собирать раньше. Только вчера его раздражение было понятным, почти уютным. Мы спорили у кухонного острова, потом он разогрел себе ужин, поцеловал меня в висок и ушёл звонить поставщику в кабинет. В половине первого лёг рядом. Матрас прогнулся, от него пахло мятной пастой и знакомым древесным парфюмом. Я подвинулась, потому что во сне он всегда забирает одеяло.

Почти пять лет в разводе. Вчера ночью его голая ступня упиралась в мою лодыжку.

— Полина, — произношу я. Голос звучит ровно, хотя внутри горла что-то мешает. — Ты знала?

Она смотрит не сразу. Серо-зелёные глаза, тонкие стрелки, почти незаметная россыпь веснушек у носа. Я видела это лицо каждое утро на планёрках. Давала ей отпуск, когда заболела мать. Защищала перед Антоном, когда она провалила первую поставку в Петербург. Полина знала, какой кофе я пью и что мне нельзя звонить до семи утра в дни лабораторных анализов.

— Да, — отвечает Полина.

В её голосе нет раскаяния. Пока нет. Только усталость человека, который слишком долго следил за чужой ложью и теперь не успел придумать свою.

— С какого дня?

— Даша, хватит, — бросает Антон. — Здесь нотариальная контора.

— Какая удачная территория для правды.

Полина проводит ногтем по краю планшета. На пластике остаётся тонкая белая царапина.

— Четыре года, — говорит она.

Не пять. В голове, приученной искать источник постороннего привкуса, разница сразу отделяется от остального. Четыре года — это не дата развода. Это либо признание, либо собственное событие, после которого молчать уже не получилось.

За дверью смеётся ребёнок. Я вспоминаю мальчика из приёмной: жёлтый самосвал у кресла, испачканные фломастером пальцы, женщина рядом. Полина привезла их с собой, но я решила, что они ждут следующего клиента. У нотариусов всегда кто-нибудь ждёт — наследники, продавцы квартир, родители с разрешениями на выезд.

Полина дёргается к двери прежде, чем та открывается.

Мальчик уже в кабинете. Самосвал скачет за ним на верёвочке, развязанный шнурок хлещет по ковру. Женщина из приёмной догоняет его возле стола и хватается за плечи.

— Марк, я же просила подождать. Простите, Полина Алексеевна, он увидел машину на улице и...

Мальчик замечает Антона.

— Папа!

Он дёргается из рук няни и несётся к столу. Антон встаёт слишком поздно, чтобы притвориться, будто обращение предназначалось кому-то другому. Марк обхватывает его за ногу, прижимается щекой к серым брюкам. Антон кладёт ладонь ему на макушку. Привычно. Не так, как гладят чужого ребёнка ради вежливости, а по-хозяйски поправляя вихор.

У Марка его подбородок. И ямочка на левой щеке, которую Антон терпеть не может на собственных фотографиях.

Полина закрывает глаза.

Я кладу банковскую ручку на договор. Она ударяется о стол и катится к вазочке с конфетами.

— Четыре года, — повторяю я. — Ему четыре?

— В июне исполнилось, — отвечает няня и тут же бледнеет. Она переводит взгляд с меня на Полину, понимая, что сообщила нечто лишнее, хотя лишнего здесь уже столько, что можно обставить ещё одну жизнь.

Я ждала ребёнка пять лет назад.

Мы никому не говорили. После двух полосок я три дня ходила мимо детской комнаты и не заходила внутрь, будто счастье могло испугаться скрипа половиц. На девятой неделе началась кровь. Антон отвёз меня в больницу, сидел в коридоре, пока мне делали чистку, а потом привёз домой и велел не винить себя. Через несколько дней улетел в Москву по делам винудельни. Я была благодарна, что он не заставлял меня говорить.

Пятого сентября того же года меня развели.

Я всё ещё носила прокладку после больницы, когда мой муж объяснял суду, что не знает, где я живу.

— Даша, выйдем, — говорит Антон.

Я смотрю на него поверх детской макушки.

— Убери руку.

— Что?

— С моей спины. Ты её сейчас касаешься.

Только тогда замечаю, что он успел обойти стул. Его ладонь лежит между моих лопаток — там же, где он придерживал меня на лестницах, вводил в зал на приёмах и успокаивал перед трудными переговорами. Антон убирает руку медленно, словно это моё требование неприлично.

— Не устраивай сцену при ребёнке.

Марк смотрит на меня снизу вверх. У него карие глаза Полины и светлая полоска пыли на колене. Он не понимает слов, но чувствует интонации. Пятится к матери и наступает на верёвочку самосвала.

Я опускаюсь перед ним, завязываю шнурок. Пальцы плохо слушаются; приходится сделать двойной узел, слишком тугой для детской обуви.

— Не бойся, — говорю я.

Не ему, конечно. Но он кивает.

Поднявшись, я забираю со стола паспорт и папку с документами на землю.

— Сделки не будет.

Антон перегораживает дорогу к двери.

— Будет. Мы вложили в линию аванс, подписали договор с сетью и привязали поставки к объёму. Если сейчас сорвём финансирование, потеряем сезон.

— Значит, потеряем.

— Это не только твои деньги.

— Земля только моя.

Он смотрит на меня так, будто я внезапно заговорила на чужом языке. Наверное, за восемнадцать лет я ни разу не произносила это достаточно отчётливо. Наша земля, наша компания, наши долги, наш дом. Даже виноград, посаженный мамой за девять лет до знакомства с Антоном, давно стал «нашим». Удобное слово. Мягкое. В него можно завернуть всё чужое.

— Дарья Андреевна, — нотариус поднимается, — документы останутся у вас. Никакие действия без вашей подписи произведены не будут.

— Благодарю.

— Мы перенесём встречу, — говорит Антон за меня.

— Нет, — отвечаю я. — Не перенесём.

Я обхожу его. В дверях Полина наконец произносит моё имя, но я не оборачиваюсь. Если посмотрю на неё ещё раз, увижу не молодую женщину и не любовницу. Увижу четыре года, сложенные в стопку: планёрки, поездки, дегустации, Новый год в ресторане, где она сидела напротив и смеялась над антоновой шуткой, пока под столом его колено касалось моего.

Четыре года — слишком тяжёлая вещь, чтобы нести её сейчас.

В коридоре пахнет кофе из автомата и свежей краской. Я дохожу до лестницы, хотя лифт ближе. Возле первого пролёта приходится остановиться: ступени начинают двигаться, перила под ладонью становятся влажными.

Сзади хлопает дверь.

— Даша!

Антон идёт быстро, но не бежит. Он никогда не бежит за людьми. Люди обычно ждут его сами.

Я продолжаю спускаться.

— Стой. Нам нужно поговорить.

— Поговори с нотариусом. У него прекрасная дикция.

— Не води себя как ребёнок.

На площадке между этажами я поворачиваюсь так резко, что папка выскальзывает из-под локтя. Бумаги рассыпаются по ступеням. Антон наклоняется помочь, и я наступаю носком на верхний лист.

— Не трогай.

Он выпрямляется.

— Ты сейчас в шоке. Я понимаю.

— Ты понимаешь?

— Да. Я должен был рассказать раньше.

Слова настолько скромные для случившегося, что во мне почти возникает любопытство. Как назвать человека, который тайно развёлся с женой, женился на другой, завёл ребёнка и пять лет продолжал возвращаться в прежнюю постель? Несобренным? Забывчивым? Мужчиной, который неудачно выбрал момент для разговора?

— Когда именно? — спрашиваю я. — До того как подал заявление? После свадьбы? Или вчера, пока я ставила тебе тарелку с ужином?

Антон оглядывается. На верхнем этаже открылась дверь, кто-то замер, услышав наши голоса.

— Не здесь.

— Ты всё время выбираешь удивительно людные места для молчания.

— Поехали домой. Я всё объясню.

Домой. Он произносит это без запинки. Туда, где в его шкафу висят рубашки, в ванной стоит электрическая бритва, а в корзине для белья лежит синяя футболка, которую я собиралась сегодня постирать. Туда, куда он, вероятно, ездит после своей законной семьи, чтобы продолжить рабочую легенду.

— Куда именно? — спрашиваю я. — В мой дом или в твой?

Его лицо меняется. Не рушится — Антон не умеет рушиться на людях, — только углы рта опускаются, и под глазами проступает усталость.

— У нас один дом.

— У тебя есть жена.

— Юридически.

Я смеюсь. Звук выходит коротким и некрасивым.

— А я кто? Практически?

Он молчит ровно две секунды. Этого хватает.

Я собираю документы сама. Один лист зацепился за каблук, угол измялся. Антон стоит рядом, пока я ползаю по ступеням, и, наверное, считает, что даёт мне пространство. Ещё одно удобное слово.

— Я вызову машину, — говорит он.

— Не надо.

— Ты не в состоянии вести.

— А ты, оказывается, много лет определяешь моё состояние по документам.

Он сжимает челюсть.

— Не превращай это в балаган.

— Я? — Перекладываю бумаги в папку, прижимаю замок. — Это я привела на подписание залога двух жён и ребёнка?

Сверху слышатся шаги. Полина спускается медленно, держа Марка за руку. Няня несёт самосвал. На площадке они останавливаются. Полина смотрит на Антона, и впервые за всё утро в её лице появляется что-то неуправляемое.

— Ты сказал, она знает, — произносит она.

Антон закрывает глаза.

Это длится мгновение, но я вижу. Не одна я сегодня получила новую биографию.

— Полина, отвези Марка домой.

— Ты сказал, она знает о разводе. Что вы живёте вместе только во время сезона и появляетесь на мероприятиях ради бренда.

— И что Люба уведёт Марка к врачу до встречи, — добавляет Полина. — Приём перенесли, нотариус позвонил и попросил приехать раньше. Я хотела оставить сына дома. Ты сказал, здесь нет никого, от кого его надо прятать.

— Не сейчас.

— Ты вчера ночевал где? — спрашивает она.

Марк тянет мать за руку:

— Мам, домой хочу.

Полина сразу наклоняется к нему. Поправляет футболку, проводит ладонью по щеке. Материнское движение — быстрое, почти машинальное. Потом выпрямляется и больше не смотрит на меня.

— Я жду тебя вечером, — говорит она Антону. — И не ради объяснений. Собери вещи.

Он делает шаг к ней, но Полина уже ведёт ребёнка вниз.

Я тоже уйду. На этот раз Антон не зовёт.

На улице душно. Солнце отражается от капотов так ярко, что начинает болеть за глазами. Я нахожу свою машину на дальнем краю парковки и трижды нажимаю кнопку на ключе, прежде чем понимаю: дверь уже открыта.

Я распахиваю водительскую дверь и остаюсь снаружи. Кресло кажется слишком низким, руль — предметом, которым пользуются люди с исправными руками. У меня руки исправны: одна держит ключ, другая вцепилась в раскалённую кромку крыши. Значит, дело не в них.

На пассажирском сиденье лежит антонова шляпа. Вчера он бросил её туда после обхода, а я велела не забыть: хорошая, привезли из Тосканы. Теперь беру за поля и кидаю под машину. Она мнётся о колесо. Я всё-таки достаю её и ставлю на урну — не могу оставить вещь посреди парковки даже в день, когда выяснилось, что моя собственная жизнь пять лет стояла неизвестно где.

— Дарья Андреевна?

От неожиданности ключ режет ладонь. Я оборачиваюсь и узнаю мужчину из нотариальной приёмной. Он ждал у окна с распечаткой, пока мы втроём изображали деловую встречу. Сейчас пиджак лежит у него на предплечье, рукава белой рубашки закатаны, на висках сухая седина. Не сочувствующая. Просто внимательная.

— Если вы хотите спросить, что произошло, спросите у человека в сером костюме. Он любит объяснять чужую жизнь.

— Михаил Ратников.

Он не протягивает руку. Хорошо. Я бы не пожалала.

Фамилия знакомая. Не как лицо — как строка в письмах, которые Антон называл текущими вопросами финансирования. «Ратников Капитал». Кредит на оборудование и оборотные средства. Месяц назад Антон сказал, что инвесторы одобрили реструктуризацию, осталось оформить обеспечение землёй.

— Вы из банка?

— Нет. Банк продал нам часть требований весной. Остальной кредит изначально выдавали мы.

— Тогда говорите с генеральным директором.

— Говорил. Поэтому теперь хочу поговорить с владельцем земли.

Я открываю дверцу снова.

— Запишитесь через офис.

— Через сорок пять дней записываться будет некуда.

Рука замирает на дверце.

Михаил подходит на полшага, оставляя между нами достаточно места, чтобы это не выглядело угрозой. От него пахнет не парфюмом, а крепким кофе и нагретой на солнце тканью.

— Платёж просрочен на девятнадцать дней, — говорит он. — Два крупных договора поставки не подтверждены, оборудование находится в повторном обременении, а деньги, выде-

ленные на запуск линии, исчезли со счёта операционной компании. Ваш муж обещал закрыть разрыв залогом участка.

— Бывший муж.

Слова царапают язык. Произношу их впервые и чувствую себя самозванкой. Будто присваиваю чужую трагедию, хотя бумага с датой лежит в моей папке.

Михаил не меняется в лице.

— Теперь это хотя бы соответствует документам.

Я смотрю на него.

— Вы всё слышали?

— Достаточно.

— И решили, что сейчас подходящий момент поговорить о долгах?

— Нет. Подходящий момент был полгода назад. Сейчас остался последний.

Внутри меня поднимается злость — удобная, горячая, гораздо приятнее того холода, который не отпускает с кабинета. Я могу злиться на его тон, на спокойствие, на то, что он знает о моей жизни больше, чем я знала час назад.

— Если вы думаете, что я подпишу землю после такой речи...

— Не подпишете. И правильно сделаете.

Я замолкаю.

Он достаёт из внутреннего кармана визитку, кладёт её на папку в моих руках.

— Сегодня в шесть я буду на винодельне с аудиторами. Если не пустите, начнём взыскание завтра. Если пустите — посмотрим, осталось ли там что спасать.

— Вы угрожаете мне?

— Сообщаю последовательность действий. Угрозы обычно оставляют выбор только на словах.

Михаил отступает, надевает пиджак и идёт к чёрной машине у выезда. Не спрашивает, можно ли приехать. Не предлагает воды. Не говорит, что сочувствует.

На белой визитке только имя, номер и название компании. Я переворачиваю её. С обратной стороны ручкой записано: «78 400 000».

Семьдесят восемь миллионов четыреста тысяч рублей.

Я поднимаю глаза. Машина Михаила уже выезжает с парковки.

В папке лежит договор залога моей земли, рассчитанный ровно на эту сумму.

Глава вторая. Пять украденных лет

Ирина Мелехова не задаёт вопроса «как ты?» и этим спасает от необходимости врать.

Она забирает у меня выписку, читает, поджимая губы, потом снимает со стола чашку с недопитым чаем и освобождает место для ноутбука. В её кабинете тесно от книжных шкафов и растений. Фикус возле окна вырос до потолка и теперь загибается вдоль карниза, будто пытается покинуть помещение, но не решается без консультации адвоката.

— Ты уверена, что раньше не получала ничего из суда? Письмо, сообщение, уведомление на «Госуслугах»?

— Если бы я получила решение о собственном разводе, думаю, запомнила бы.

— Я проверяю не память, а маршрут уведомлений. Паспорт после двадцать первого меняла?

— Нет.

— Недвижимость на себя оформляла?

— Последний раз в двадцатом. Личные кредиты не брала.

Ирина открывает ещё одно окно и просит показать настройки «Госуслуг». Я пользуюсь приложением реже, чем машинкой для удаления косточек из вишни. Восстановление учётной записи привязано к номеру, который оформляли как семейный и который Антон два года назад перенёс в корпоративный тариф. Адрес для уведомлений — старая общая почта; её разбирала секретарь генерального директора.

— А банковские анкеты общества? Сведения о бенефициаре обновляли каждый год.

— Антон присылал менеджера на винодельню. Я ставила подписи на готовых листах.

— Копии приходили куда?

Я уже знаю ответ. На ту же корпоративную почту.

Ирина перестаёт печатать и смотрит на меня поверх экрана. То, что пять минут назад казалось чудовищной удачей Антона, обретает скучный механизм: один номер, один почтовый ящик, один менеджер, избавлявший меня от поездок в банк. Меня не просто не поставили в известность. Мне годами не оставляли места, где известие могло бы случайно попасться на глаза.

Ирина находит карточку дела по номеру из выписки. Я вижу на экране свою фамилию, инициалы Антона, несколько дат и серую надпись «решение вступило в законную силу». Всё выглядит скучно. Мой брак закончился интерфейсом районного суда, шрифтом Arial и двумя мегабайтами прикрепленных документов.

— Вот адрес ответчика, — говорит она.

Я наклоняюсь ближе.

Улица Морская, дом четырнадцать, квартира семьдесят два.

— Я никогда там не жила.

— Адрес тебе знаком?

— Нет.

Ирина открывает карту. Дом стоит в городе, в новом районе возле набережной. На фотографии — двадцатипятиэтажная башня с голубыми балконами и аптекой на первом этаже. Я была рядом пару раз, но внутрь не заходила.

— Собственник квартиры устанавливается, — говорит она. — Запросим сведения. В деле должно быть подтверждение, откуда истец взял адрес. Суд направлял повестки, письма возвращались. Потом Антон заявил ходатайство о рассмотрении без твоего участия.

— Можно развести человека, который ни разу не пришёл?

— Можно. Брак не тюрьма, удерживать второго супруга государство не обязано. Другое дело, что тебя должны надлежащим образом уведомить. Если адрес указали намеренно ложный, решение можно попытаться обжаловать.

— Зачем?

Она поднимает на меня глаза.

— Это не риторический вопрос?

— Я не стану возвращать этот брак, — говорю я. — Ни на день. Ни ради правильной записи.

— Сейчас ничего возвращать не надо. Сначала заберём дело и поймём, что они подделали. Ложный адрес пригодится нам даже без отмены развода: он показывает способ, которым Антон убирал тебя из решений. А вопрос о дате и втором браке решишь после, когда сможешь читать документы, а не его лицо.

Второй брак. Я смотрю на квадратный значок вложения и вижу вместо него руку Антона на макушке мальчика. Свадьбу представить не выходит. Зато легко представляется его звонок из гостиницы: Даш, ты ужинала? Такой вопрос он задавал заботливо, иногда дважды. Вероятно, в промежутке между банкетом и законной постелью.

Ирина открывает заявление. Дата сверху — третье августа двадцать первого.

Мне не требуется календарь. Сразу возвращается запах хлорки в палате, серый свет под дверью и пятно на простыне, которое медсестра молча закрыла плёнкой. В тот день мне сделали чистку.

— Даша, что было третьего?

— Больница.

— В день заявления?

— Да.

Она перестаёт печатать.

Я достаю телефон. Найти старые фотографии получается не сразу: облако грузит миниатюры, даты скачут. В галерее за третье августа почти ничего нет. Снимок потолка, сделанный случайно. Фотография капельницы. Сообщение от Антона я не сохранила отдельно, но переписка на месте.

«Я у входа. Врач сказал, тебя отпустят к вечеру».

Следом: «Купил воды без газа».

И через двадцать минут: «Ничего не подписывай, пока я не подойду».

Я передаю телефон Ирине. Она читает, не касаясь экрана.

— Это пригодится.

— Он сидел под кабинетом и подавал на развод?

— Не обязательно сам. Заявление могли подготовить заранее и подать через представителя или электронно.

— Спасибо. Так гораздо лучше.

Ирина возвращает телефон.

— Мне жаль.

Я качаю головой. Не хочу, чтобы ей было жаль. Жалость делает случившееся законченным, а я пока нахожусь внутри него, как внутри комнаты без дверей. Можно ощупывать стены, находить трещины, но выйти некуда.

— Полина сказала, что знает четыре года.

— Они зарегистрировали брак четырнадцатого мая двадцать второго. Это тоже видно в реестре, если есть основание для запроса. У тебя теперь есть.

Май. Марку в июне исполнилось четыре. Я отсчитываю недели и получаю то, чего не хочу получать: на свадьбе Полина была примерно на восьмом месяце. Антон женился на ней почти

перед родами. Значит, пока я поздравляла её с удачным контрактом и удивлялась свободному крою пиджака, он уже выбирал ребёнку фамилию.

— Антон утверждает, что Полина знала о нашем разводе, а ты знала о Полине? — спрашивает Ирина.

— Я знала, что у нас талантливый коммерческий директор.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она откидывается в кресле.

— Где он сейчас?

— Понятия не имею. Я уехала от нотариуса.

— Дом принадлежит кому?

— Мне. Мама подарила его вместе с землёй до брака.

— Ключи у него есть?

— Конечно.

— Замки сегодня поменяй.

Я почти улыбаюсь. Ирина способна обсуждать крушение жизни так, будто мы устраним протечку: перекрыть воду, вызвать мастера, сфотографировать ущерб.

— Не сегодня. В шесть приезжают аудиторы.

— Какие аудиторы?

Я кладу перед ней визитку Михаила.

Ирина долго смотрит на цифру с обратной стороны.

— Ты знала о таком долге?

— Знала о кредите. Антон говорил, что остаток меньше сорока миллионов и платёж перенесён на ноябрь.

— Сам договор ты читала?

— Зимой был толстый пакет. Обратное финансирование, оборудование, будущие поставки. Я проверила цифру кредита и землю. Её в залоге не было.

— А приложения?

— Антон сказал, что там банковская форма.

Ирина медленно закрывает крышку ноутбука. Пластик щёлкает негромко, но я вздрагиваю.

— Сегодня ты забираешь токен и меняешь пароли. Банку отправим запрет на операции одним ключом. И ещё: если вспомнишь фразу «Антон сказал», записывай её. Это не основание верить. Это место, которое надо проверить.

— У тебя заседание в шесть.

— Подключусь после него. Младший юрист приедет лично.

— Ира, я не развалюсь за несколько часов.

— Я не боюсь, что ты развалишься. Я боюсь, что они принесут тебе ещё одну папку, пока ты стараешься выглядеть целой.

Я отворачиваюсь к фикусу. На широком листе лежит пыль, по краю тянется сухая коричневая полоска. Ирина могла бы сказать что-нибудь ласковое, но не говорит. За это я держусь крепче, чем за подлокотник.

— Мне нужно попасть домой раньше Антона, — говорю я.

— Тогда поезжай. А я пришлю младшего юриста к шести и подключусь по видео.

Она встаёт, обходит стол и всё-таки обнимает меня. Неловко, крепко, без поглаживаний. Через несколько секунд отпускает.

— Иними кольцо.

Я опускаю взгляд. Ободок впился в палец, кожа вокруг отекала. Тяну, поворачиваю — не снимается.

- Потом, — отвечаю я.
- Только не решай, что это знак.
- Это жара.
- Вот и правильно.

До «Тихого мыса» сорок минут по трассе, если не считать летних пробок. Я еду почти час и не помню половины дороги. Несколько раз телефон начинает вибрировать в сумке. Антон, Полина, снова Антон. На четвёртый звонок включаю беззвучный режим.

Виноградники появляются после поворота за посёлком. Ровные зелёные полосы спускаются к низине, дальше темнеет лесополоса, а за ней, если подняться на верхний участок, видно море. Сейчас ягоды уже налились. Белые сорта стали прозрачными, на тёмных выступил сизый налёт. Через несколько дней мы начнём снимать шардоне с южного склона.

Обычно при виде рядов я автоматически отмечаю, где слабее лист, где нужна подвязка, где почва подсохла. Сегодня виноградники кажутся слишком спокойными. Они росли, пока я не была женой. Пережили четыре зимы, град, засуху и два удачных сезона. Земле всё равно, каким словом меня называли дома.

У производственного корпуса стоят две машины Антона. Его внедорожник и служебная Полины. Значит, они приехали раньше.

Я паркуюсь у дома, не доезжая до офиса. Внутри прохладно. На кухне осталась чашка Антона, в раковине — моя тарелка после вчерашнего ужина. На спинке стула висит его лёгкая куртка. Никакой тайной дверцы в стене, никакой второй реальности. Предательство вообще плохо умеет оформлять декорации. Оно пользуется теми же полотенцами и пьёт из той же чашки.

Я поднимаюсь в спальню.

Шкаф открываю с такой силой, что дверца ударяется о стену. Рубашки висят по цветам: белые, голубые, серые. Я сама раскладывала их так после химчистки. В нижнем ящике бельё, носки, старый ремень. На полке несессер для командировок. Всё настоящее. Или я до сих пор не понимаю, какое из двух значений у этого слова.

В боковом кармане чемодана нахожу чек из ювелирного магазина. Дата — конец апреля двадцать второго. Два обручальных кольца, женское и мужское. Мужское стоило дешевле моего подарка на нашу пятнадцатую годовщину.

Я сажусь на край кровати.

В мае Антон сказал, что едет на выставку в Москву. Вернулся через три дня, привёз мне коробку конфет из аэропорта и жаловался на гостиничную подушку. Возможно, подушка действительно была неудобной. Ложь не обязана состоять из выдуманного целиком; ей легче держаться на мелких правдах.

Дверь внизу хлопает.

— Даша!

Я кладу чек на комод и жду.

Антон входит в спальню без стука. Он снял пиджак, расстегнул две верхние пуговицы. За время дороги успел вернуть себе обычный вид человека, который приехал решать проблему. Не мужа, пойманного на двойной жизни. Директора, которому подчинённые испортили график.

- Почему не отвечаешь?
- Была занята. Знакомилась с датами.
- Он замечает чек.
- Ты рылась в моих вещах?

— Они находятся в моём доме. Юридически.

Антон закрывает дверь и прислоняется к ней спиной.

— Хорошо. Давай без истерики.

— Я сижу.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Нет. Последние пять лет я вообще мало что понимаю. Объясни.

Он проходит к окну, отодвигает край шторы. На нижнем участке трактор тянет опрыскиватель, хотя обработку следовало закончить утром. Антон смотрит туда дольше необходимого.

— После больницы мы фактически перестали быть семьёй.

Я слышу слова, но не узнаю описанную жизнь.

— Мы спали в одной кровати.

— Не делай вид, что не понимаешь разницы.

— Между чем и чем?

— Между близостью и привычкой. Ты закрылась. Ушла в работу. Мы могли неделями говорить только о кислотности, поставщиках и прогнозе погоды.

— А ты поэтому подал на развод в день, когда меня чистили после твоего ребёнка?

Он морщится.

— Нашего ребёнка.

— Как предусмотрительно ты уточнил.

— Заявление было подготовлено раньше. Я не выбирал дату операции.

— Ты знал, что я беременна.

— Знал.

— И всё равно готовился разводиться.

— Беременность не исправляет отношения.

Мне хочется подойти и ударить его. Не пощёчина из кино, после которой ладонь красиво остаётся на щеке. Хочется вцепиться ногтями, повредить лицо, которым он столько лет спокойно улыбался мне поверх чужой жизни. Вместо этого я сцепляю руки на коленях.

— Полина уже была?

Антон отвечает не сразу.

— Мы работали вместе.

— Я тоже с ней работала.

— Между нами ничего не было до развода.

— До решения или до того дня, когда ты решил, что меня можно не уведомлять?

— Какая теперь разница?

Вот она. Самая честная фраза за весь разговор.

— Почему ты продолжал жить здесь?

— Потому что мы остались партнёрами. Потому что компания держалась на нашем имени. Потому что тебе было бы тяжело пережить ещё и публичный развод сразу после больницы.

— Ты меня пожалел?

— Я пытался сделать так, чтобы никто не потерял всё.

— Полина тоже думает, что ты жил со мной ради бренда?

Он отталкивается от окна.

— Я не обязан обсуждать с тобой мой второй брак.

— Единственный, — поправляю я. — У тебя сейчас единственный брак. Второй он только для тебя. Для меня мой продолжался.

Антон проходит по комнате. Берёт с комода чек, складывает пополам и убирает в карман.

— Ты не могла не чувствовать, что всё изменилось. В сезон я жил здесь, остальное время — в городе. Тебе говорил о переговорах, Полине — что ночью на производстве. Она часто уезжала с Марком к матери. Праздники мы всё равно почти всегда проводили на мероприятиях.

Я вспоминаю расписание, которое считала безумным. Новый год в ресторане винодельни — Антон исчез за двадцать минут до полуночи «поздравить городскую команду» и вернулся после двух. Майские — срочные переговоры в Краснодаре. Болезни, конференции, ночёвки в служебном коттедже во время сбора. Он не жил на два дома. Он составил график, в котором каждая из нас сама объясняла его отсутствие.

— Ты возвращался в эту кровать.

— Иногда.

— Три дня назад — это иногда?

Он отводит глаза. Внутри у меня что-то проваливается ещё ниже, хотя казалось, места уже нет.

— Полина знает? — спрашиваю я. — Что ты спишь со мной иногда?

— Не надо втягивать её.

— Я не приглашала её в свой брак. Это сделал ты.

— Нашего брака не существует пять лет.

Он произносит это жёстко, почти с удовольствием, будто наконец нашёл бумагу, которой можно заткнуть мне рот.

Я встаю.

— Собирай вещи.

— Не начинай.

— Двадцать минут. Потом я вызову охрану.

Антон усмехается. Не весело — снисходительно.

— Какую охрану? Сергей подчиняется генеральному директору.

— Дом принадлежит мне.

— А компания на треть моя. Кабинет, производственный корпус, склады — имущество юридического лица. Ты не можешь выставить меня из бизнеса, потому что обиделась.

Слово «обиделась» почти срабатывает. Оно уменьшает случившееся до женского каприза, а меня — до человека, которого можно переждать. Я смотрю на его рубашки и понимаю: если начну выбрасывать вещи в окно, он получит именно ту картинку, которую уже приготовил.

— Из дома можешь уйти сам, — говорю я. — Из компании тебя выведут документы.

— Какие документы, Даша? Ты не знаешь, сколько у нас денег на счетах. Не читаешь кредитные договоры. Последние годы занималась только вином, потому что я освободил тебя от всего остального.

— Освободил.

— Да. И ты была довольна. Ты даже не заметила, что больше не жена.

Я всё-таки подхожу. Антон напрягается, но я не бью его. Снимаю с вешалки первую рубашку, бросаю на кровать. Следом вторую.

— Пятнадцать минут.

Он хватает меня за запястье.

— Не разрушай то, что ещё можно сохранить.

— Отпусти.

— Завтра сеть потребует подтверждение поставок. Через неделю нужно платить сезонным рабочим. Ратников не будет ждать, пока ты переживёшь унижение. Он заберёт всё.

— Ты хотел отдать ему мою землю.

— Я хотел спасти винодельню.

— Нет. — Я смотрю на его пальцы вокруг моей руки. — Ты хотел, чтобы я подписала, не зная, что ты мне никто.

Он отпускает.

Снизу раздаётся звонок. Не дверной — внутренний, от ворот. На экране домофона появляется лицо охранника.

— Дарья Андреевна, к вам господин Ратников. С ним ещё трое. Говорит, договаривались на шесть.

Я смотрю на часы. Без двух минут.

Антон тихо ругается.

— Не смей пускать их без меня.

— Сергей, — говорю в домофон, — откройте ворота.

— Даша.

Я беру с комода кольцо, которое всё-таки удалось снять в машине при помощи крема для рук. Кладу рядом с чеком, но чек Антон уже спрятал. Тогда оставляю кольцо одно, на светлом дереве, в круглом следе от его стакана.

— Одиннадцать минут, — напоминаю я и выхожу из спальни.

У дома тормозят две чужие машины. Из первой выходит Михаил Ратников, из второй — женщина с ноутбуком и двое мужчин с серыми папками. Они не похожи на спасателей. Спасатели обычно приезжают с сиреной и не просят показать бухгалтерию.

Михаил поднимает взгляд на окно спальни, где за шторой движется силуэт Антона.

— Добрый вечер, Дарья Андреевна.

— Для кого как.

— Начнём?

Я открываю дверь в офис.

— С того, сколько именно у меня осталось.

Глава третья. Чужая подпись

В старом хранилище всегда пахло пылью, пробкой и сырым камнем. Сегодня к этому примешивается чужой парфюм: женщина-аудитор ходит между стеллажами, водит фонариком по этикеткам и диктует цифры мужчине с планшетом.

— Две тысячи девятнадцатый, резерв, каберне фран, сорок восемь бутылок.

— Должно быть сто двадцать, — говорю я.

Она оборачивается.

Её зовут Елена Гущина. Представилась она один раз, у входа в кабинет, и с тех пор ни разу не улыбнулась. На ней тёмные джинсы, кроссовки и белая рубашка с узким воротником. Я ожидала увидеть строгий костюм, но в погребе костюм выглядел бы глупо. Елена явно знала, куда едет.

— По ведомости на первое июля — сто двадцать, — подтверждает она. — Было списание?

— Такую коллекцию не списывают. Даже если испортилось несколько бутылок, составляется акт, вскрываем контрольную, проверяем партию.

— Отгрузка клиенту?

— Только по моему разрешению.

— Разрешали?

— Нет.

Она смотрит на меня без обвинения, но и без сочувствия. Мне начинает нравиться эта особенность. Сочувствия за сегодняшний день хватило, а обвинение хотя бы требует доказательств.

— Семьдесят две бутылки, — произносит Елена помощнику. — Отмечаем расхождение.

— В верхнем ряду должно быть ещё шесть ящиков шардоне семнадцатого, — говорю я.

Мужчина светит фонариком. За первым рядом действительно пустота. На каменном полу остались прямоугольные следы, где меньше осела пыль.

Я прижимаю ладонь к стеллажу. Дерево холодное. Семнадцатый был последним урожаем, который мама принимала сама. Весной ей уже было тяжело спускаться в погреб, но она всё равно приходила каждое утро, садилась на складной стул возле бочек и делала вид, что отдыхает, пока я брала пробы. После её смерти мы решили не продавать шестьсот бутылок. Не потому, что они стоили баснословных денег, хотя теперь стоили. Просто это было последнее вино, в котором я слышала её голос без всякой мистики: больше дуба не надо, кислоту не смягчай, дай ему пережить зиму.

— Сколько? — спрашивает Елена.

— Шесть ящиков по двенадцать.

— Итого ещё семьдесят две.

— Я умею считать.

Она поднимает бровь.

— Тогда вы понимаете, почему я спрашиваю вслух. Мне нужно, чтобы цифру слышал сотрудник, который вносит её в акт.

Я отхожу от стеллажа.

— Простите.

— Не за что. Но если вспомните частного покупателя, которому могли передать вино без обычной накладной, скажите сразу.

— Я не передавала.

— Я спросила не только про вас.

За дверью хранилища слышатся мужские голоса. Антон спорит с Михаилом. Они держатся достаточно далеко, чтобы слова сливались, но интонации легко различить: Антон объясняет, Михаил не принимает объяснение за ответ.

С тех пор как аудиторы вошли в офис, прошло четыре часа. Антон успел собрать чемодан, перенести вещи в служебный коттедж и трижды напомнить, что остаётся генеральным директором. Я успела поменять пароли от личной почты и банковского приложения, забрать токен электронной подписи из сейфа и обнаружить, что сейф открывался неделю назад. Журнал не показывал кем. Только время — два часа четырнадцать минут ночи.

В ту ночь Антон был дома. Я тоже.

Елена заканчивает ряд и выходит из хранилища. Я задерживаюсь, поднимаю с пола сухой кусочек пробки. Разминаю между пальцами. Он крошится, оставляя коричневую пыль на коже.

— Дарья Андреевна, — зовёт Михаил из коридора. — Нужны ваши пояснения.

Сегодня все хотят моих пояснений о вещах, которых я не знала. Удивительная должность — хозяйка собственной жизни.

В лаборатории светло как в операционной. Белые столы, стальные раковины, ряд колб возле спектрофотометра. На дальней стене висит доска с показателями созревания: участок, сорт, сахар, кислотность, предполагаемая дата сбора. Мои записи сделаны зелёным маркером, Степана — чёрным. Антон не пишет на этой доске никогда.

Михаил кладёт на стол три договора.

— Вы их подписывали?

Я не сажусь. Наклоняюсь над первым.

Договор поставки с компанией «ЮгТрейд», январь. Предмет — две партии вина общим объёмом сорок тысяч бутылок. Цена ниже себестоимости. Внизу — электронная отметка с моим именем.

— Нет.

— Подпись ваша.

— Имя моё. Подпись электронная.

— Токен был у кого?

— В сейфе дома.

— Код знали?

— Я и Антон.

Антон, стоящий у двери, усмехается.

— Не выдумывай. Код Даша меняет каждые три месяца.

— Последний раз ты сам попросил не менять до закрытия квартала.

— Потому что бухгалтерия формировала отчётность.

— Бухгалтерия не хранит токен в моей спальне.

— Значит, подписала и забыла.

Я переворачиваю страницу. В приложении указаны реквизиты партии, которой никогда не существовало. Номер резервуара принадлежит совиному двадцать второго года, объём в нём был вдвое меньше.

— Я бы не подписала договор на сорок тысяч бутылок из ёмкости, куда помещается двадцать одна тысяча литров.

Михаил смотрит на номер, затем на доску.

— Это можно проверить?

— Ёмкость за стеной. На ней шильда завода и объём.

— Договор мог содержать техническую ошибку, — вмешивается Антон. — Подготовил менеджер, стороны подписали, потом объёмы распределили иначе.

— Где накладные? — спрашиваю я.

— В бухгалтерии.

— Елена проверила. Нет.

Он смотрит на аудитора. Та не опускает глаз.

— Есть акты сверки, — говорит Антон.

— Подписанные кем?

— Тобой, Даша.

Михаил отодвигает первый договор и открывает второй. Кредитное соглашение на покупку линии розлива. Я помню эту папку. Антон принёс её зимой домой, когда я вернулась из лаборатории. На кухне кипел чайник, он разложил страницы на столе и отмечал жёлтыми закладками места для подписи. Я прочитала условия поставки оборудования, процентную ставку, график платежей. Не прочитала приложение о дополнительных обеспечениях: оно находилось в отдельном файле, на который ссылался пункт мелким шрифтом.

— Здесь ваше подтверждение залога оборудования, — говорит Михаил. — А за две недели до этого то же оборудование передано в залог банку по другой кредитной линии.

— Его ещё не было на площадке.

— Можно заложить права по договору поставки.

— Я не знала о первом залоге.

— Но подтвердили отсутствие иных обременений.

На бумаге моё имя выглядит нагло. Дарья Андреевна Корнеева подтверждает, гарантирует, обязуется. Эта женщина уверена в каждом глаголе. Я её не знаю.

— Я этого не подписывала.

Антон подходит ближе.

— Хватит. Ты ставила электронную подпись на общем пакете. Я сидел рядом.

— На каком компьютере?

— На твоём.

— Где?

— Дома.

— Когда?

Он раздражённо разводит руками.

— Полгода назад. Думаешь, я помню число?

Михаил закрывает папку.

— Мы узнаем. В сертификате есть время, журнал входов и IP-адрес.

Антон дёргает подбородком.

— Узнавайте. И заодно объясните Дарье, что остановка финансирования убьёт винодельню быстрее любого мошенничества, которое вы здесь пытаетесь найти.

— Мы уже нашли два признака, — отвечает Михаил. — Мошенничеством их назовёт следствие, если дойдёт до него.

— Вы приехали не проводить расследование. Вы кредитор.

— Именно поэтому меня интересует, куда делись мои деньги.

— На производство.

— Тогда покажите производство на двадцать два миллиона, которого нет ни в учёте, ни на площадке.

В лаборатории становится тихо. За стеной гудит холодильная установка. Ритмичный низкий звук раньше успокаивал меня: пока оборудование работает, вино живёт по плану. Сейчас он напоминает далёкий двигатель.

— Какие двадцать два миллиона? — спрашиваю я.

Михаил смотрит на Антона, будто даёт ему возможность ответить первым.

Тот молчит.

— Часть кредита перечислена «ЮГТрейд» как аванс за бутылку и комплектующие, — говорит Михаил. — Поставка не подтверждена. Компания зарегистрирована восемь месяцев назад, сотрудников нет, налоговая отчётность нулевая.

— Мы закупали через посредника из-за санкций, — отвечает Антон.

— Стекланную бутылку?

— Французскую пробку и итальянские комплектующие.

— На складе пробка отечественная, комплектующие от прежнего поставщика. Елена уже проверила партии.

Белая кромка стола режет ладонь. Мама терпеть не могла эту больничную чистоту и держала в углу тяжёлый деревянный шкаф, пахнувший воском. После её смерти Антон сделал ремонт для инвесторов. Тогда я спорила из-за шкафа. Про доступы к счёту не спросила.

— Чей «ЮГТрейд»?

Елена разворачивает ко мне экран: директор из Ставрополя, ещё три фирмы на том же адресе, квартира в панельном доме.

— Пока видим человека, который за небольшие деньги подписывает всё, что кладут перед ним. Настоящего владельца ищем по движению средств.

Антон отходит от кофемашины.

— Вы не будете допрашивать моих сотрудников.

— Это мои сотрудники тоже, — говорю я. Непривычно слышать во фразе собственное право, а не просьбу. — И я разрешила проверку.

— Ты привела кредитора в бухгалтерию после семейной сцены и называешь это проверкой.

— Семейной сцены у нас, по твоим словам, нет.

Михаил не даёт Антону ответить. Сдвигает выписки в ровную стопку и спрашивает, у кого физически находились токен и пароли. Вот его способ прекращать скандалы: не повышать голос, а возвращать разговор к предмету, который можно изъять и опечатать.

— У Дарьи, — говорит Антон.

— У него, — говорю я.

Елена ставит возле обеих фамилий вопросительные знаки. Пока это честнее любого нашего документа.

К полуночи для кружки Оксаны не остаётся свободного места. Бумаги лежат даже на подоконнике; надпись «Главбух тоже человек» она закрывает обеими ладонями.

— Я спрашивала про эти авансы, — говорит она. — Не один раз. Антон Павлович приносил акты позже, иногда задним числом. После второго запроса сказал, что передаст участок поставщиков внешнему бухгалтеру. Мне оставили платежи и налоги, первичку собирал коммерческий отдел.

Елена не утешает её.

— И вас это устроило?

— Нет. Но я подписала сверку. — Оксана сжимает кружку сильнее. — Если ищите человека без вины, ищите не в бухгалтерии.

Антон у кофемашины размешивает сахар, хотя обычно пьёт без него.

— Кто приносил акты? — спрашиваю я.

— Менеджеры Полины. Иногда она сама.

— Полина сегодня не ответила ни на один запрос, — говорит Елена.

— У неё ребёнок, — роняет Антон.

Оксана поднимает голову. Я не собиралась рассказывать об этом в комнате с аудиторами и холодным кофе. Антон рассказывает вместо меня — той же интонацией, какой сообщает о задержке поставщика.

— У Полины есть ребёнок? — Оксана смотрит на него, потом на меня. — А ты откуда...

Ложка звякает о блюде. Этого звука ей хватает. Лицо у Оксаны меняется медленно и некрасиво: она понимает, пытается не понять и всё-таки понимает. Я опускаю глаза в выписку, давая ей несколько секунд не жалеть меня вслух.

— Даш...

— Продолжим с платежами, — говорю я.

Она закрывает рот, кивает. Под столом её колено касается моего, и Оксана не отодвигается.

Аудиторы сверяют выписки. Михаил работает у окна, сняв пиджак. Он не листает бумаги бессистемно: раскладывает по датам, отмечает карандашом совпадения, иногда фотографирует страницу. Антон несколько раз пытается увести его в отдельный разговор. Михаил отвечает, что все существенные вопросы обсудит при собственниках.

При собственниках. Во множественном числе. Ни разу не называет Антона моим мужем.

— Здесь ошибка, — говорю я, просматривая оценку запасов.

Елена наклоняется.

— Где?

— Незавершённый урожай посчитан по прошлогодней средней цене винограда. В этом году площадь плодоношения больше на двенадцать гектаров, а прогноз урожайности выше. Вы занизили стоимость.

— До сбора это биологический актив с риском потери.

— Риск учитывается коэффициентом, но вы применили его дважды. Вот здесь уменьшили объём на возможные потери, а здесь ещё раз снизили стоимость на двадцать процентов.

Она забирает лист, проверяет формулу.

— Действительно.

Антон усмехается:

— Поздравляю, Даша нашла арифметическую ошибку. Это не отменяет кассового разрыва.

— Зато добавляет к активам почти восемь миллионов, — говорит Елена. — Для переговоров с кредитором существенно.

Я смотрю на Михаила. Он тоже смотрит на меня. Не с благодарностью и не с одобрением — внимательнее, чем раньше.

— Откуда вы знаете площадь без отчёта? — спрашивает он.

— Я принимала новые ряды весной. И каждый вторник прохожу участки со Степаном.

— В документах генерального директора указаны старые данные.

— Генеральный директор бывает в виноградниках только с фотографом.

Оксана кашляет в кружку, пряча улыбку. Антон слышит.

— Очень остроумно.

— Нет. Дорого. Восемь миллионов разницы.

Михаил делает пометку в своей таблице.

— Пересчитайте запасы с Дарьей Андреевной утром, — говорит он Елене. — По каждому участку.

— Утром у нас замеры сахара, — отвечаю я.

— Совместите.

— Вы когда-нибудь брали пробы?

— Нет.

— Тогда не говорите «совместите» так легко.

Он выдерживает мой взгляд.

— Во сколько начинать?

— В пять тридцать.

— Буду.

Антон смеётся.

— Михаил Андреевич, не обязательно изображать участие. Вам дадут все показатели.

— Мне уже давали показатели, — отвечает тот. — Теперь я предпочитаю смотреть, откуда они берутся.

Через час аудиторы уходят в гостевой корпус. Антон задерживается возле двери переговорной.

— Ты устроила цирк, — говорит он, когда остальные выходят.

— А ты принёс второго ребёнка в первый брак. Мы оба сегодня постарались.

— Марк не имеет к этому отношения.

— Впервые согласна.

Он подходит ближе, понижает голос:

— Ратников использует тебя. Он уже просчитал банкротство и пришёл посмотреть товар лицом. Ты для него такая же позиция в ведомости.

— Пока единственный человек, использовавший меня документально, — ты.

— Я защищал наше дело.

— Вынеси вещи из дома до утра.

— Я буду жить в коттедже. Как директор имею право.

— Живи. Только не приходи в дом.

Антон задерживает взгляд на моей руке. На безымянном пальце красная полоса.

— Сняла.

— Оно мешало.

— Не спеши делать то, о чём пожалеешь.

Я открываю дверь.

— Этот совет надо было дать себе в августе двадцать первого.

К пяти двадцати я успеваю расставить контейнеры и дважды перепутать этикетки. Ночь прошла без сна, хотя тело несколько раз проваливалось на минуты: просыпалась с ладонью на пустой половине кровати. Дом всю ночь честно изображал прежний — скрипел лестницей, запускал холодильник, пропускал в окно собачий лай.

Михаил приходит в пять двадцать восемь. В джинсах и тёмной рубашке, без пиджака. Его ботинки не подходят для влажной земли.

— Испачкаетесь, — говорю я вместо приветствия.

— Переживу.

— Степан — нет. Он ненавидит людей, которые ходят между рядами в городской обуви.

Степан появляется в дверях, словно его вызвали по имени. Невысокий, широкоплечий, в выгоревшей кепке. Смотрит на Михаила, потом на ботинки.

— Кто это?

— Кредитор, — отвечаю я.

— Зачем он в поле?

— Хочет увидеть актив.

— Пусть в зеркало смотрит. Там один и увидит.

Михаил неожиданно кивает.

— Сапоги одолжите?

Степан хмыкает и уходит к подсобке.

На южном склоне сапоги Михаила сразу набирают красной глины. Он несёт контейнер, Елена записывает номера рядов, я беру ягоды с обеих сторон лозы. Когда Михаил тянется к самой тяжёлой, ровной грозди, хлопаю его секатором по пальцам.

— Эту нельзя?

— Эту хочется показать на фотографии. Поэтому нельзя. Мне нужна правда ряда, а не его удачная сторона.

— Вы так и людей отбираете?

— С людьми у меня, как выяснилось, методика хуже.

Он больше не шутит и берёт сморщенную гроздь у нижней проволоки. В лаборатории сам высыпает ягоды в дробилку, пачкая манжету. Я измеряю сахар, кислотность и азот; Елена сводит прогноз. Михаил изучает доску с расчётами, пока не спрашивает, что будет, если снять южный участок на три дня раньше.

— Потеряем часть сахара, сохраним кислоту. Получится живое базовое вино, а не тяжёлый компот.

— Сколько стоит разница между живым вином и компотом?

Вопрос раздражает ровно до тех пор, пока я не понимаю, что он не обесценивает вкус. Он просит перевести его на язык, на котором спорит с комитетом. Я рисую два столбца: выход, срок выдержки, процент брака, цена. На слове «репутация» Михаил просит не ставить красивую цифру, а показать повторные заказы прошлых лет. Через час мы прибавляем к оценке запасов четыре миллиона, и ни один из них не взят с потолка.

— Вы действительно не видели договоров? — спрашивает он, когда Елена выходит позвонить.

— Видела часть.

— Подписывали не читая?

— Читала то, что мне давали.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Он опирается ладонями на край стола.

— Семейный скандал мог быть удобным способом дистанцироваться от обязательств. Вчера вы узнали о разводе при свидетелях. Сегодня заявляете, что подписи ставил бывший муж. Для внешнего человека картина слишком удачная.

Меня обдаёт жаром.

— Вы считаете, я привела ребёнка Полины к нотариусу ради спектакля?

— Я считаю, что должен проверять любую версию, пока семьдесят восемь миллионов не вернулись на счёт.

— Тогда проверяйте и не просите меня помогать.

— Без вас я оценю активы по документам Антона. Вы сами видели, чего они стоят.

Он прав, и от этого злость становится беспомощной.

В лабораторию возвращается Елена. Лицо у неё напряжённое.

— Нашли журнал камер. Записи ночных отгрузок за июнь и июль удалены вручную.

— Кем? — спрашиваю я.

— Учётной записью администратора.

— Она у Сергея, начальника охраны.

— Была. В мае права администратора перенесли на другой профиль.

Елена поворачивает ноутбук. На экране строка входа и имя пользователя.

DAKORNEEVA.

Мои инициалы. Моя фамилия.

Удаление произведено третьего июля в два часа четырнадцать минут ночи — в то же время, когда открывался сейф у меня дома.

Михаил ничего не говорит.

И не нужно. На экране достаточно доказательств, чтобы посторонний человек решил: хозяйка винodelьни сама крала у себя, сама стирала записи и теперь изображает женщину, которая ничего не знала.

Глава четвёртая. Сорок пять дней

— Удаление записи не доказывает, что за компьютером сидели вы, — говорит Михаил.

Я стою перед экраном и читаю собственное имя так долго, что буквы теряют смысл. DAKORNEEVA. Аккуратная латиница, никакой человеческой руки. Мой профиль, созданный для доступа к камерам ещё четыре года назад, когда на складе начали пропадать бутылки из дегустационной партии. Тогда Антон пошутил, что я хочу следить за работниками, не выходя из спальни. Я вошла в систему дважды и забыла пароль.

— Но доказывает, что кто-то очень старался оставить меня на каждом документе, — отвечаю я.

Елена закрывает ноутбук.

— Запросим полный журнал авторизации. Там должен быть адрес устройства, с которого подключались. Камеры обслуживает подрядчик, резервные логи могут сохраниться у него.

— Если Антон ещё не велел их удалить, — говорю я.

— Или вы, — спокойно напоминает Михаил.

Я поворачиваюсь к нему.

— Вам обязательно говорить это каждый раз?

— Пока версия не исключена — да.

— Тогда я буду каждый раз напоминать, что вы приехали покупать предприятие по цене оборудования.

— Я не делал вам предложения о покупке.

— Пока.

Мы смотрим друг на друга через лабораторный стол. Между нами стоят пробирки с соком шардоне, мутным и зеленоватым, как вода после мытья кистей. Степан у двери демонстративно гремит пустыми контейнерами. Он не любит конфликты, к которым нельзя применить секатор.

— Закончили? — спрашивает он. — Мне людей на южный склон выводить или ждать, пока банкиры ягоды посчитают?

Я перевожу взгляд на доску. Сахар уже выше вчерашнего прогноза. Ночь была тёплой, и ещё три дня солнца сделают вино плоским.

— Завтра начинаем.

— Рабочие наняты с понедельника.

— Вызывай раньше. Сначала верхние ряды, вручную. К вечеру подключим комбайн на ровном участке.

Степан кивает, будто решение было принято ещё до моего ответа.

— Деньги на досрочный выход есть? — спрашивает Михаил.

— Найдём.

— На расчётном счёте двести восемьдесят тысяч. Зарплатный платёж через шесть дней — почти четыре миллиона.

— Вы уже знаете наши счета лучше меня.

— Это не повод гордиться.

Степан оглядывается на него:

— За сапоги спасибо сказать забыл.

— Верну чистыми.

— Тогда не надо возвращать. Чистые они мне без пользы.

Он уходит. Елена забирает образцы документов и тоже выходит, оставляя нас вдвоём.

Я мою руки под холодной водой. На пальцах остался сок, липкий и сладкий. Обручального кольца нет, но кожа под ним светлее остальной. Полоска кажется нарисованной мелом.

— Что вы предлагаете? — спрашиваю я, не оборачиваясь.

— Пока ничего.

— Тогда зачем перечислили остаток на счёте?

— Чтобы вы понимали скорость падения.

Я перекрываю кран. Вода ещё секунду бьёт по нержавейке редкими тяжёлыми каплями.

— Вчера вы дали нам сорок пять дней.

— Это обычный срок до взыскания. Но в договоре есть отдельный пункт: если должник прячет имущество, не допускает проверку или готовит новую продажу, требование становится досрочным. Тогда документы можно подать хоть завтра. Я предпочёл бы не проверять этот пункт на вас.

— Значит, отсрочка существует, пока вы довольны поведением должника.

— Пока активы остаются на месте. Не путайте это с довольством.

Он достаёт проект соглашения. В нём нет магической власти Ратникова над чужим заводом: есть моё письменное решение как участника с шестьюдесятью семью процентами, банковское распоряжение о двух ключах и обязательство допустить аудит. Без моей подписи листы остаются пожеланиями кредитора.

Я читаю вслух: платежи свыше ста тысяч подтверждает внешний контролёр, новые займы и продажа имущества запрещены, склады и договоры открыты для проверки, раз в неделю — движение денег. Производственный план остаётся за главным виноделом.

— Антон остаётся директором?

— Пока участники или суд не решат иначе. Но один он деньги не отправит.

— Второй ключ у вас?

— У Елены. Я представляю кредитора, она проверяет платежи. Так меньше соблазнов у всех, включая меня.

— Удобно. Вы заходите в компанию через мою подпись, Антон сохраняет кресло, а мне оставляете урожай.

— Я оставляю вам то, в чём вы сейчас сильнее нас обоих. Остальному придётся учиться быстро.

— Вы сами сказали, что занимались вином, а не финансами.

— Я сказала, что Антон забрал финансы. Это не одно и то же.

— Вы хотите утверждать платежи?

— Хочу видеть каждый.

— Сможете разбираться в них во время сбора?

Вопрос задан без издёвки. От этого отвечать труднее.

— Смогу научиться.

— За ночь?

— За ночь я узнала, что разведена, должна семьдесят восемь миллионов и предположительно ворую у самой себя. У меня неплохая скорость.

Михаил проводит большим пальцем по краю папки.

— Хорошо. Все платежи будут доступны вам в системе, без права удаления. Ваше согласование обязательно наравне с контролёром.

— Земля не входит ни в это соглашение, ни в новый залог.

— Без дополнительного обеспечения совет может не утвердить отсрочку.

— Тогда не утвердит.

— Вы потеряете оборудование и выручку. Компания остановится.

— Если отдам землю, потеряю всё одним документом. Я уже пробовала доверять пакетам с закладками.

Он смотрит на мою руку. Видит красную полосу, но не задерживается.

— Что ещё?

— Решения по сбору, переработке и купадам остаются за мной. Ни вы, ни Антон не сокращаете расходы за счёт технологии без моего согласия.

— Если технология делает производство убыточным?

— Тогда вы должны доказать это цифрами. Не словами «дорого» и «рынок не поймёт».

— Справедливо.

— Полина не имеет доступа к коммерческой переписке, пока мы не установим её участие.

— Она коммерческий директор.

— Она знала о тайном разводе и отправляла документы по платежам «ЮгТрейд». Этого достаточно для временного ограничения.

— Антон оспорит.

— Пусть.

— У вас есть юрист?

— Уже есть.

— Хороший?

— Лучше вашего, если он позволил вам выдать кредит под дважды заложенное оборудование.

На этот раз Михаил улыбается. Очень коротко, без тепла, но лицо меняется. Становится моложе и опаснее: холодного мужчину проще воспринимать как функцию, пока он не показывает, что умеет получать удовольствие.

— Моего юриста к этой сделке не допустили, — говорит он. — Договор проводил Кирилл Арсеньев, мой партнёр.

— Почему приехали вы?

— Потому что Кирилл уверен: предприятие выгоднее забрать, чем спасать.

— А вы?

— Я пока уверен только в том, что мне лгали.

Это ответ не в мою пользу и, возможно, первый честный ответ за последние сутки.

— Пришлите проект Ирине, — говорю я. — До её проверки ничего не подпишу.

— Я и не предлагаю подписывать сейчас.

— Вы всегда разговариваете так, будто уже победили?

— Нет. Только когда вторая сторона торопится доказать, что не проиграла.

Мне хочется выставить его из лаборатории. Вместо этого я забираю условия и читаю первый пункт.

К одиннадцати утра возле офиса собираются начальники участков. Новость расплзлась быстрее, чем я успела решить, какую её часть сообщать. На винодельне вообще трудно скрыть даже испорченный обед в столовой, а вчера у ворот стояли чужие машины, аудиторы ходили по складам, Антон ночевал в гостевом коттедже. К обеду половина сотрудников наверняка будет знать о Полине и ребёнке. К вечеру добавят двойню, любовницу из Москвы и мою попытку отравить мужа неудачным мерло.

Я встаю у окна переговорной. Оксана садится справа и кладёт перед собой новый блокнот. Степан остаётся стоять возле двери. Начальник производства Аркадий нервно крутит ключи. Сергей из охраны пришёл последним и теперь старается не смотреть на Михаила.

Антон занимает привычное место во главе стола.

Я не прошу его пересест. Пока.

— Начинаем сбор завтра, — говорю я. — Южный шардоне и верхняя часть совиньона. Степан даст разбивку по бригадам. Приёмка с шести утра, линия работает в две смены.

Аркадий поднимает руку, как школьник:

— Даша Андреевна, у нас мойка не закончена на второй ёмкости.

— Закончите сегодня. Снимите людей с упаковки, там всё равно нет бутылки для отгрузки.

Антон стучит ручкой по столу.

— Решение о переносе сбора нужно согласовать с директором.

— Я главный винодел.

— А я отвечаю за операционные расходы. Досрочный выход сезонных — плюс миллион двести к фонду оплаты.

— Если передержим ягоду, потеряем базовое шардоне на пятнадцать миллионов будущей выручки.

— Это твой прогноз.

— Это сахар двадцать три и семь при кислотности шесть и два. Можешь сходить в лабораторию и поспорить с рефрактометром.

Степан отворачивается к окну, но плечи у него двигаются.

Михаил сидит напротив меня. Перед ним нет ручки, только раскрытый ноутбук.

— Расчёт по двум сценариям есть? — спрашивает он.

— Оксана распечатала.

Она раздаёт листы. Антон берёт свой, пробегает глазами.

— Здесь не учтена сверхурочная оплата второй смены.

— Учтена на обороте, — отвечает Оксана. — Строка тридцать четыре.

— А простой упаковки?

— В обоих сценариях одинаковый. Бутылка не пришла из-за вашего поставщика.

Он резко поднимает голову. Оксана бледнеет, но не опускает глаз.

Михаил просматривает таблицу.

— Сбор завтра экономически обоснован. Оплату сезонным проведём из резервной линии после утверждения соглашения.

— Вы не можете единолично распоряжаться финансированием, — говорит Антон.

— Не могу. Но могу отказать в нём, если урожай потеряет стоимость.

— То есть шантаж.

— Кредит.

Одно слово падает на стол без повышения голоса. Антон замолкает.

Я продолжаю планёрку. Перераспределяем людей, проверяем транспорт, договариваемся о временном хранении. Когда очередь доходит до охраны, Сергей начинает листать пустую страницу блокнота.

— Кто менял права доступа к камерам в мае? — спрашиваю я.

— Я не менял.

— Подрядчик сам не мог.

— Мне пришло распоряжение из дирекции перенести администраторский профиль. Ска-зали, для удалённого контроля собственника.

— Кто сказал?

Он смотрит на Антона.

— Письмо было от Полины Алексеевны. С копией Антону Павловичу.

— А мне?

— Ваш адрес стоял в подписи. Я думал, вы согласовали.

— Покажите письмо.

Сергей достаёт телефон, находит пересланный файл. В верхней строке мой корпоративный адрес действительно указан среди получателей, но я такого сообщения не видела.

— Нужен оригинал с заголовками, — говорит Елена. — Проверим, доставлялось ли письмо.

— Сегодня будет, — обещает Сергей.

Антон отодвигает стул.

— Вы превращаете рабочую планёрку в следственный комитет. Если есть вопросы к Полине, вызовите её и спросите.

— Вызовите, — говорю я. — Она ваш коммерческий директор.

— Полина взяла несколько дней.

— По уходу за ребёнком или по случаю раскрытия второго брака?

В комнате кто-то резко втягивает воздух. Я понимаю, что сказала это вслух при сотрудниках. Поздно.

Антон смотрит на меня долго и тяжело.

— Не советую выносить личное на производство.

— Ты вынес его к нотариусу. Я только уточняю причину отсутствия.

Михаил закрывает ноутбук.

— Перерыв десять минут. Руководители участков могут идти. Финансовая группа остаётся.

Ему подчиняются, хотя он не имеет здесь должности. Это раздражает. Ещё сильнее раздражает облегчение: мне не пришлось самой заканчивать сцену.

Степан задерживается возле меня.

— Не зря завтра начинаем, — говорит он негромко. — На тёмном сорте уже оса пошла.

— Спасибо.

— Не за что. Про остальное не спрашивай, я сплетни слушаю только когда интересные.

Он выходит.

В переговорной остаёмся мы, Оксана, Елена и Антон. На экране появляется Ирина — подключилась из машины возле суда. За её спиной люди ходят по коридору.

— Проект вижу, — говорит она. — Сорок пять дней приемлемо. Но пункт о запрете смены руководства исключаем. Кредитор не должен защищать действующего директора от решения участников.

— Согласен, — отвечает Михаил.

Антон поворачивается к нему:

— Согласен?

— Мы защищаем активы, не вас.

— Тогда двойное согласование счетов должно включать мою подпись.

— Включает. Вашу, Дарьи Андреевны и контролёра. Достаточно двух из трёх, но без согласия собственницы не проходят сделки со связанными сторонами и суммы выше миллиона.

— Она не умеет отличать факторинг от форфейтинга.

— Научится, — говорит Ирина с экрана. — А вы, Антон Павлович, за пять лет не научились отличать развод от согласия женщины. У каждого свои пробелы.

Оксана опускает лицо к блокноту. Елена сохраняет невозмутимость. Михаил смотрит в сторону окна, но я замечаю знакомую складку у его рта.

— Земля исключается из обеспечения, — продолжаю я.

— Совет не примет, — говорит Антон.

— Это не ваш совет, — отвечает Михаил. — Я вынесу условия сегодня.

— Кирилл будет против.

— Знаю.

— Тогда зачем устраивать спектакль?

— Потому что впервые вижу предприятие не из ваших презентаций.

Антон медленно собирает бумаги.

— Вы пожалеете, что ставите на человека, который не знает собственных счетов.

— Я ни на кого не ставлю. Даю срок вернуть деньги.

После его ухода в комнате становится просторнее, хотя стул остаётся на месте.

Ирина вносит ещё несколько правок. Михаил принимает часть, спорит по остальным. Они говорят быстро, точными короткими фразами. Я записываю непонятные термины на полях, спрашиваю, когда не понимаю. Раньше мне было бы стыдно остановить разговор. Антон всегда раздражался: «Даша, это база, потом объясню». Потом не наступало.

Через час проект готов.

— Решение совета будет к вечеру, — говорит Михаил. — Если одобряют, завтра откроем резерв на сбор.

— Если не одобряют?

— У вас останется счёт с двумястами восьмьюдесятью тысячами и урожай на лозе.

— Оптимистично.

— Вы просили условия, а не поддержку.

— И всё-таки вы считаете, что осталось что спасти?

Он задерживает взгляд на доске с расчётами, потом на мне.

— Сегодня утром — больше, чем вчера вечером.

Ответ совета приходит в половине седьмого. Отсрочку утверждают тремя голосами против двух. Землю не включают. Контролёром назначают Елену, а Михаил остаётся представителем кредитора.

Я читаю письмо дважды. Радости нет, только короткая передышка, как после подъёма тяжёлого ящика: можно поставить его на землю, разогнуть пальцы, но не уйти.

Оксана возвращается в комнату с ноутбуком, прижатым к животу.

— «Северная лоза» заморозила осеннюю поставку.

От этого контракта зависит стекло и треть ближайшей зарплаты. Я разворачиваю экран. Закупщик пишет вежливо, почти виновато: получил сведения о моём эмоциональном срыве, временном отстранении и угрозе урожаю; до подтверждения руководства просит ничего не грузить.

Исходное письмо пришло с адреса Полины в девять утра. К нему приложен пресс-релиз. В нём я ухожу лечиться, а Антон с Полиной принимают управление «в сложный переходный период». Слово «лечение» выделено жёлтым — автор не успел убрать рабочую пометку.

Я набираю Полину. Она отвечает после пятого гудка; на заднем плане Марк требует сок.

— Ты отправила письмо покупателям.

Она молчит так долго, что слышно, как открывается детская бутылка.

— Антон показал мне договоры с моими подписями. Сказал, если я не подтверждаю его версию, он отдаст аудиторам только их. И заберёт Марка к матери, пока меня допрашивают.

— Вчера ты велела ему собрать вещи.

— Вчера я ещё думала, что мои вещи принадлежат мне.

Голос у неё злой, но злится Полина сейчас не на того человека. Я не собираюсь помогать ей выбирать удобную цель.

— Отзови письмо. Напиши, что сведения не подтверждены.

— Он сказал, тогда рухнет кредит и виноваты будем мы обе.

— Значит, решай, кому ты веришь: человеку, который соврал тебе о своей постели, или цифрам, которые можно проверить.

Полина отключается. Отзыв не приходит. Зато через минуту «Северная лоза» пересылает ещё одно такое же письмо, отправленное уже в три региональные сети. Антон не просто вернул жену на свою сторону. Он пристегнул её к себе её же подписями.

Глава пятая. Семейная легенда

Первый ящик шардоне ставят на весы в шесть часов двенадцать минут. Степан хмурится так, будто двенадцать минут опоздания способны испортить ягоду сильнее августовской жары.

— Бригада новая, — объясняет мастер участка. — Пока разобрались с рядами...

— К обеду разберутся, — перебивает Степан. — А к вечеру начнут думать, что умнее нас. Следи, чтобы зелёное не тащили.

Я беру горсть ягод из верхнего слоя. Они прохладные, упругие, кожица лопается между пальцами. Сок стекает по ладони. Ещё вчера я думала, что сегодня буду контролировать запуск новой линии и согласовывать график поставок. Вместо этого старая линия грохочет после ночной мойки, коммерческий директор объявила меня больной, а мой бывший муж разгуливает по производству с кольцом, которое купил другой женщине.

Зато виноград хороший.

Это кажется почти неприличным. Мир должен был хотя бы немного испортить вкус в знак солидарности, но сахар точный, кислотность живая, аромат чистый. Природа не участвует в семейных конфликтах, если только кто-нибудь не решит залить гербицид в резервуар.

— Берём? — спрашивает Аркадий, начальник производства.

— Берём. Давление на прессе не выше единицы и двух. Первую фракцию отдельно.

Он кивает, кричит рабочим. Я иду вдоль приёмочного бункера, снимаю листья, проверяю грозди. Сезонные работницы в косынках переговариваются тише обычного. Когда подхожу, разговор обрывается.

— Если хотите спросить, спрашивайте, — говорю я.

Женщина лет пятидесяти, приезжающая к нам третий год, прижимает ладонь к фартуку.

— Мы про оплату, Дарья Андреевна. Сказали, денег нет.

— За выход получите полностью. Первый расчёт в пятницу, как договаривались.

— А дальше?

— Дальше тоже. Если что-то изменится, узнаете от меня, не из столовой.

Она кивает. Разговор возобновляется, когда я отхожу, но уже громче. Мне не верят до конца. И правильно. Вчера на счету оставалось меньше трёхсот тысяч, а резервное финансирование ещё не поступило. Я пообещала людям деньги, которых пока не вижу. Ответственность, оказывается, пахнет виноградным соком и машинным маслом.

Возле пресса стоит Михаил в выданной ему серой куртке и защитной шапочке. На финансиста не похож, на работника пищевого производства — тоже. Он читает технологическую карту и задаёт Аркадию вопросы. Тот отвечает напряжённо, каждый раз поглядывая на меня.

— Не мучайте его, — говорю я. — Если хотите понять выход сока, спрашивайте меня.

— Я спросил, почему первая фракция идёт отдельно.

— Она чище и мягче. Из неё будет основное вино. Последняя часть содержит больше фенольных соединений, её оцениваем отдельно.

— Дороже переработка.

— Дороже плохого вина только хорошая реклама плохого вина. У нас сейчас нет денег ни на то, ни на другое.

Михаил проводит пальцем по строке затрат.

— В прошлом году фракции смешивали.

— Потому что Антон потребовал увеличить объём. Я была против.

— Но подчинились.

— Я не отвечала за бюджет.

— Удобная фраза.

— Она перестала быть удобной примерно двое суток назад.

Он поднимает взгляд. В защитной шапочке его суровость выглядит слегка повреждённой. Мне почти хочется сказать об этом, но рядом рабочие, а смеяться над кредитором до получения денег неразумно.

— Совет перевёл резерв, — сообщает Михаил. — Первый транш два миллиона. Сегодня сможете закрыть топливо и аванс сезонным.

Воздух выходит из груди так резко, что я замечаю, как ждала этих слов.

— Спасибо.

— Это долг.

— Вы умеете испортить благодарность быстрее открытой бутылки.

— Зато не придётся возвращать её с процентами.

Я вытираю липкие руки о полотенце. Из кармана вибрирует телефон. Оксана пишет, что представители «Северной лозы» будут сегодня на региональной дегустации в отеле «Маяк». Мероприятие запланировано давно; мы должны представить новую линейку. После письма Полины организаторы уточнили, кто приедет от винодельни.

Я набираю Оксану.

— Ответь, что буду я.

— Антон уже подтвердил себя и Полину, — шепчет она. — Полина вернулась. Они выехали в город час назад.

Я смотрю на часы. До начала три часа. На футболке виноградный сок, волосы спрятаны под косынку, на щеке, судя по отражению в стальной ёмкости, зелёная полоска неизвестного происхождения.

— Подготовь образцы резерва двадцатого и шардоне двадцать второго. По шесть бутылок. И найди презентацию без портретов.

— У нас все презентации с портретами. Антон в прошлом году утвердил семейную концепцию.

На титульном слайде мы стоим среди рядов, он обнимает меня за талию. Снимок делали на закате. Фотограф попросил смотреть друг на друга, и Антон шепнул, что у меня на носу сидит мошка. Я засмеялась. Поэтому фотография получилась живой.

— Удали титульный слайд.

— А дальше?

— Дальше виноградники, бочки и вино. На дегустации этого должно хватить.

Я убираю телефон.

Михаил всё ещё рядом.

— Собираетесь в город?

— Вы слышали.

— Сегодня нельзя уходить с производства. Первые сутки нового графика.

— Если не верну покупателя, производство сможет спокойно остановиться через неделю.

— Кто останется?

— Аркадий и Степан. Я буду на телефоне.

— Антон тоже там?

— С законной женой. Будут управлять моей винодельней перед публикой.

На мгновение в его взгляде появляется что-то похожее на сочувствие. Оно сразу исчезает.

— Я поеду с вами.

— Зачем?

— Покупатель хочет подтверждения управленческой стабильности. Кредитор может его дать.

— Или окончательно убедить, что мы одной ногой в банкротстве.

— Это зависит от того, что вы скажете первой.

— Вы проверяете, умею ли я выступать?

- Проверяю, умеете ли вы удерживать клиента без семейной фотографии.
- Возьмите нормальную рубашку. В шапочке вас не поймут.

В отель мы приезжаем за десять минут до начала. Я переодевалась на заднем сиденье машины Оксаны, пока она стояла у служебного входа винодельни и ругалась на каждого, кто пытался пройти мимо. Платье нашлось в кабинете — тёмно-зелёное, простое, приготовленное для вечера. На подоле осталось влажное пятно после того, как я уронила туфлю в ведро возле мойки. В полумраке зала его почти не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.